

Матушка Чжэн была шокирована. Она ожидала, что Ли Чжэн, упомянув о своей сложной ситуации, выдвинет какие-то трудновыполнимые требования. Она даже была готова согласиться на что-то, лишь бы это не было слишком обременительным. Во-первых, чтобы отплатить за помощь, которую отец Ли когда-то оказал ее мужу, а во-вторых, потому что эти двое детей остались совсем одни, и их жалко.

Однако условия Ли Чжэна полностью превзошли ее ожидания. Это... это было слишком щедро! В восьмидесятые годы не было понятия аренды с выкупом, и ей казалось, что Ли Чжэн фактически дарит им судно. Это был огромный долг.

Требование Ли Чжэна о тридцати процентах от улова казалось матушке Чжэн незначительным. Хотя, если бы судно было выделено производственной бригадой, человек мог бы получать пятьдесят процентов, но сколько людей ждали своей очереди на судно? Даже если отец Чжэн Сяодуна был главой бригады, судно вряд ли бы досталось такому юнцу, как он.

К тому же судно семьи Ли не принадлежало бригаде. Просто отец Ли был честным человеком, а мать Ли не разбиралась в таких вещах, поэтому они продолжали отдавать половину улова, как это было принято. По мнению матушки Чжэн, это было совершенно излишним.

Когда судно принадлежало другим, она не могла пойти на такие меры, но если оно станет их собственностью, все изменится. Совсем не отдавать было невозможно, но сократить с пятидесяти до тридцати процентов она могла. Таким образом, Чжэн Сяодун получал бы сорок процентов. В одно мгновение в голове матушки Чжэн промелькнули десятки мыслей.

— Чжэн, это несправедливо, ты слишком много теряешь, — покачала головой матушка Чжэн.

— Тетя, не говорите так. Если бы не дядя Чжэн, судно бы не вернулось. И вы знаете, что рано или поздно мне пришлось бы его отдать. Лучше отдать его своим, чем чужим. Тридцать процентов достаточно, чтобы мы с сестрой жили хорошо, — искренне сказал Ли Чжэн, глядя в глаза матушки Чжэн.

Ее сердце согрелось от слов Ли Чжэна о том, что они «свои». В то время, в этом маленьком городке, где жизнь зависела от рыболовства, судно было слишком большим соблазном. Она внимательно посмотрела на Ли Чжэна, затем встала и ушла в другую комнату.

Через некоторое время матушка Чжэн вернулась с куском красной ткани и, не дав Ли Чжэну слова сказать, сунула его в карман.

— Ваш дом недавно ремонтировался, и у вас, наверное, нет наличных. Доход от моря доходит до завода не сразу, возьмите это на экстренный случай. Мы одна семья, и я принимаю судно за Сяодуна. Он будет помнить ваш поступок всю жизнь!

Ли Чжэн несколько раз формально отказался, но, видя ее настойчивость, принял подарок.

Был ли Ли Чжэн в убытке?

Конечно, нет. Он примерно прикинул, что судно осталось лет семь-восемь, а городок Цинхэ вскоре станет частью Шэньши. Никто не мог предсказать, как все изменится за пять лет. Четко обозначив, что через пять лет судно станет их собственностью, он не только избавился от проблемы, но и заслужил огромную благодарность.

— Мама, мне кажется, Ли Чжэн как-то изменился, — сказал Чжэн Сяодун, глядя на уходящего Ли Чжэна.

Матушка Чжэн на мгновение остановилась, убирая посуду.

— Сяодун, впредь чаще общайся с Ли Чжэном. У этого парня большое будущее.

Ли Чжэн вернулся домой, развернул красную ткань и пересчитал деньги. Там было больше семидесяти юаней. В те времена, когда средняя зарплата рабочего составляла тридцать юаней, это была немалая сумма.

Он сложил ткань обратно и передал ее Чжоу Сытянь, которая молчала весь вечер.

Чжоу Сытянь удивилась, указав на себя.

— Мне?

Ли Чжэн закатил глаза.

— Раньше, когда папа был жив, ты же управляла деньгами. — Если бы он взял на себя эту обязанность, через пару дней им пришлось бы выкапывать корни на заднем холме.

Чжоу Сытянь смущенно приняла деньги, но ее нахмуренный лоб не разгладился.

Ли Чжэн вздохнул. Ему, специалисту по биологии и фармацевтике, было трудно выступать в роли психолога, но он все же сказал:

— Сестра, что бы ни было раньше, теперь мы единственные родственники друг для друга. — Он говорил это с предельной искренностью.

Глаза Чжоу Сытянь наполнились слезами. Она кивнула, вытерла нос и, взяв красную ткань, ушла в свою комнату.

Решив самую насущную проблему, Ли Чжэн почувствовал, как напряжение внутри него немного ослабло. Он лег на жесткую деревянную кровать и начал вспоминать важные события восьмидесятих годов в Хуаго. Думая об этом, он заснул.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, крик петуха разбудил его. Чжоу Сытянь уже встала и сварила рисовую кашу. Увидев, что брат не встает, она заколебалась, затем вошла в его комнату.

С улыбкой она положила теплую тряпку на лицо Ли Чжэна.

— Вставай, а то опоздаешь в школу!

Судя по тому, как Чжоу Сытянь противостояла производственной бригаде, она не была «тихой и скромной» девушкой. В последние дни она была подавлена из-за смерти отца Ли, а также из-за того, что отношения с Ли Чжэном были не самыми теплыми. Поэтому она казалась замкнутой.

Но слова Ли Чжэна о том, что они теперь «единственные родственники», вернули ее к жизни. Теперь она относилась к Ли Чжэну как к своему единственному близкому человеку.

Ли Чжэн все еще был погружен в сон, мечтая о мягких кроватях двадцать первого века. Внезапный холод на лице заставил его проснуться. Он снял тряпку и уставился на Чжоу Сытянь, которая стояла перед ним, упершись руками в бока.

Что он только что услышал?

Школу?!

Школа!

Как давно он не слышал этого слова. Ли Чжэн был немного ошеломлен. В прошлой жизни он жил в достатке. Его отец был одним из первых, кто начал добывать уголь, в те времена их называли «угольными магнатами».

Из-за того, что он сам страдал от недостатка образования, отец уделял огромное внимание успехам Ли Чжэна, вкладывая в него деньги и силы, чтобы воспитать доктора биологии в Стэнфорде.

Ли Чжэн всегда считал, что его прошлая жизнь была успешной. Сразу после окончания учебы его взяли в лабораторию в Колд-Спринг-Харбор, где он работал с лауреатами Нобелевской премии и был в кругу самых передовых специалистов в области молекулярной биологии.

Позже, вернувшись в Хуаго, он переключился на биологию и фармацевтику. Все говорили, что он потерял больше, чем приобрел, но он знал, что в Хуаго разработка лекарств была слабой. Даже в тридцать два года в прошлой жизни оригинальных препаратов, разработанных в Хуаго, можно было пересчитать по пальцам, и многие из них были лишь дженериками с ярлыком «оригинальных».

Он до сих пор помнил слова старого профессора из университета Хуацин:

— Ли Чжэн, я знаю, что молекулярная биология — это наука, изучающая суть жизни, ее цель — эволюция человечества. Но знаешь ли ты, сколько людей в Хуаго умирает каждый день из-за отсутствия лекарств? Некоторые из них не могут позволить себе купить лекарства, а другие не могут найти лекарства, которые вылечат их болезни.

— Сейчас большинство новых методов лечения и препаратов — это патенты зарубежных компаний. Сроки их патентов слишком длинные, и пациенты не могут ждать! Говорят, что нужно смотреть в будущее, но я считаю, что в исследованиях иногда лучше смотреть на ближайшие цели и быть скромнее.

Ли Чжэн уже не помнил, что он ответил тогда, но на следующий день он отменил билет в Нью-Йорк и остался в лаборатории биологии и фармацевтики университета Хуацин.

За восемь лет он разработал две вакцины против рака и один вспомогательный препарат для химиотерапии. Перед своей внезапной смертью его команда находилась на четвертой стадии клинических испытаний нового препарата, который мог бы ввести раковые клетки в состояние покоя. Если бы испытания прошли успешно, это стало бы огромным шагом в борьбе с раком.

Он даже представлял, что скажет на презентации нового препарата:

— С этого момента мы можем жить в мире с раком.

А потом... он умер.

Ли Чжэн действительно считал, что он не получил Нобелевскую премию не потому, что был недостаточно хорош, а потому, что умер слишком рано.

А Нобелевская премия не вручается посмертно.

Автор имеет что сказать: В прошлой жизни главный герой был крупным специалистом в области биологии и фармацевтики. Очень сильный бонус.

<http://bllate.org/book/17704/1653413>